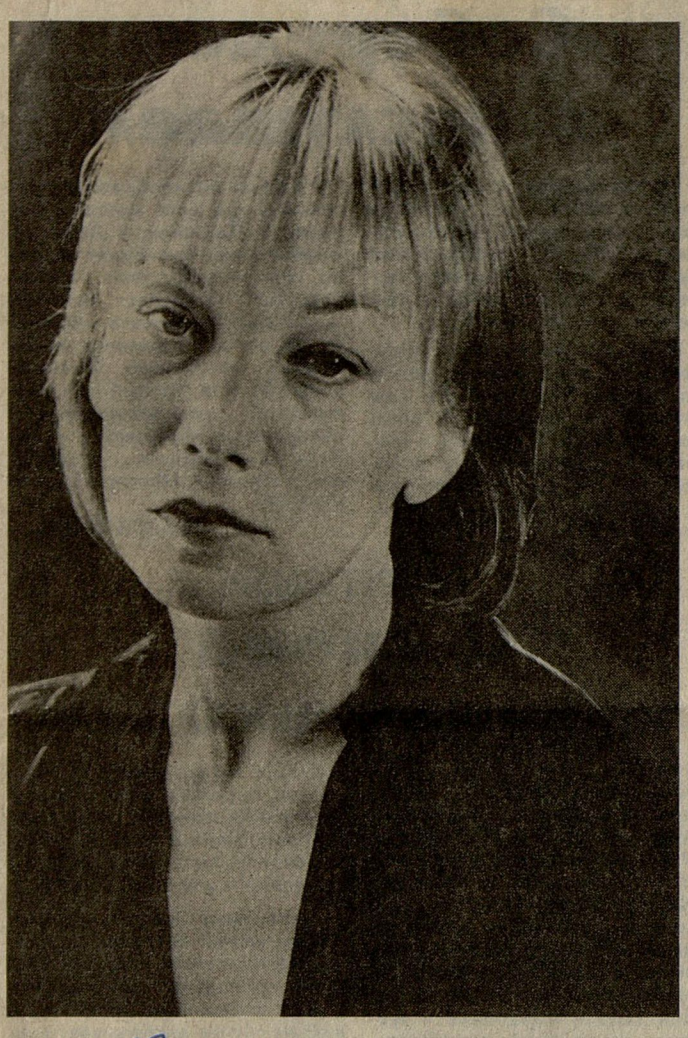
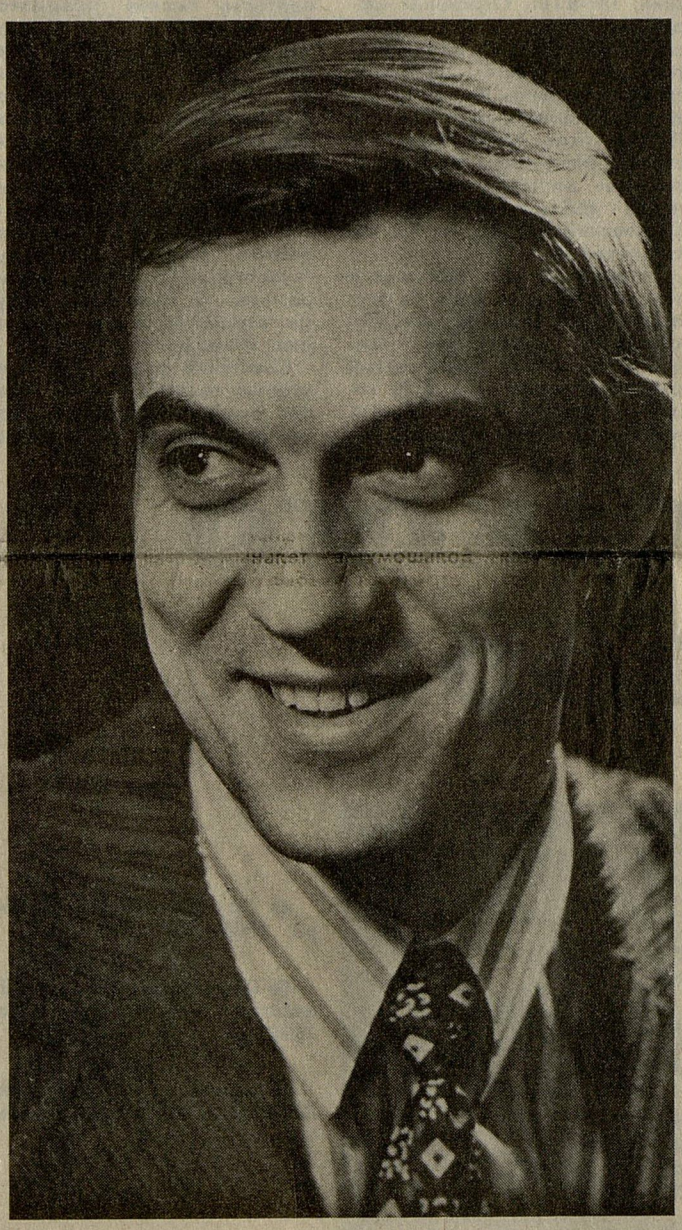
ЕЛЕНА КОРЕНЕВА И ЕВГЕНИЙ КИНДИНОВ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ



Культура. — 1995. — 27 мая. — С. 8.

Магия судьбы

На днях Евгению Киндинову исполнилось пятьдесят лет. Картина «Романс о влюбленных» А. Михалкова-Кончаловского, в которой он сыграл одну из лучших своих ролей, вышла на экран в конце семьдесят четвертого. Ее герои любили друг друга, их любила вся страна. Успех фильма сулил особость судьбы его участникам — Елене Кореневой и Евгению Киндинову. Чем обернулась в итоге жизнь с ее неумолимым движением вперед для всех нас и наших кумиров!



Евгений КИНДИНОВ

— Эти двадцать лет спустя, чем они были для вас, Евгений Арсеньевич!

— Глобальный вопрос. Если каждый год да на 365 дней! Это жизнь. Наша профессия, которая вроде и не профессия, а призвание — часть этой жизни. Со мной произошло, наверное, то же, что со всеми. За год мы проживаем столько поворотов, зигзагов, катастроф, как никогда раньше. Необходимо какое-то расстояние, возможность посмотреть на события и себя самого со стороны. Восточные люди говорят, что для того, чтобы оценить ситуацию, нужно выйти из нее. А я — внутри. На себе испытал безжалостный поворот времени. Если оглянуться на жизнь, пожалуй, только война прошла мимо. Но нам ли жаловаться? Вот старики хлебнули. Я из простой семьи, родители мои — из Рязанской области. Отец проучился в деревенской школе несколько лет. Ему нужно было коров пасти, по хозяйству помогать, до учебы ли тут. Хорошо, что никто не пострадал от репрессий из моих близких. В восемь лет впервые услышал слова о смерти Сталина от такого же мальчишки, как я сам, которые поразили меня: «Ну наконец-то». Помню, был уже студентом, мы жили в коммунальной квартире, на стене висела фотография Ленина, которая мне очень нравилась. Я думал, что вот он, Ленин, хотел как лучше, но не все получилось. В этом смысле я, как и все, прошел через иллюзии. Вступил в партию по тем же причинам, что и остальные. Но все время пытался понять, куда же мы идем. Были картины, которые сделали меня узнаваемым. Хорошо, что в то невыездное время я имел возможность повидать мир во время гастролей МХАТа.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» — что Тютчев подразумевал под этим? Сегодня мы переживаем роковые времена. Кто сейчас испытывает блаженство? Может, тот, кто вообще не способен его испытать или принимает за блаженство что-то совсем иное? Замена духовного на осязаемое — общая тенденция. Лучше синица в руке, чем журавль в небе. Это нормально только потому, что так есть, но и ужасно вместе с тем. «Романс о влюбленных» — самая трудная для меня картина и самая популярная. Сегодня никто бы и не снял такую. Нынешнее время продиктовало талантливому человеку и режиссеру А. Михалкову-Кончаловскому фильмы «Курочка Ряба» и «Ближний круг».

Размышляя о себе и о времени, думаю, что тогда человеку хорошо, когда душа его при деле. Ощущение занятости души профессией, духовным развитием, семьей, политикой, чем угодно, необходимо. Беда, когда она ничем не занята. Я — из оптимистов, которые думают, что в итоге мы найдем свою дорогу, выберемся. Примерим лондонский наряд и поймем, что в плечах он тесноват. Не надеть ли лучше свой? Но для того, чтобы понять, надо попробовать. Только бы поменьше потерь, особенно духовных, на этом пути.

У русского актера всегда была не просто профессия, но служение. Сегодня многие из нас утрачивают достоинство, смотрят, где больше платят. Есть-то хочется. Тем более, вон их сколько — сортов колбасы. Коммерческий спектакль? Хорошо. Почем репетиция? Отлично. Я не осуждаю. Каждый свободен, потому что за все платит сам. Какая цель, перспектива — вот что важно. Как это у Блока: «Познай, где свет,— поймешь, где тьма», а не наоборот. От того, как каждый для себя решает эту задачу, составляется целостная картина нашего театра и кино. Сейчас многие, к сожалению, кинулись познавать тьму. С удовольствием смотрю старые фильмы. Всякое кино — сказка, даже то, которое претендует на документальность. Прежние сказки нравились мне больше. Сегодня кино — тоже сказка, только с мрачным финалом.

— Профессия остается определяющим моментом вашей жизни!

— В театре — да. Уже двадцать семь лет работаю во МХАТе. Сейчас играю в шести спектаклях. Летом едем на интересные гастроли на теплоходе по городам Поволжья. Теперь еще и роль Якова играю в Театре под руководством О. Табакова в спектакле «Последние». Жаловаться не приходится. Преподаю во ВГИКе. Наступил момент, когда захотелось поделиться накопленным за годы. Можно мерить жизнь количеством сыгранных ролей, но ведь верно сказано: не сотвори себе кумира. Из профессии в том числе, ибо, помимо профессии, у каждого из нас есть своя жизнь, радости, огорчения, и это нормально. У меня растет дочка Дарья. Ей десять лет. Отсюда и проблемы: отвезти на английский, в музыкальную школу. Жизнь как жизнь.

— После «Романса о влюбленных» судьба развела вас с Еленой Кореневой!

— Она нас особенно и не сводила. Была общая работа, которая нас буквально выворачивала. Мы вместе съели пуд соли, пережили мгновения триумфа и полного отчаяния. У Лены была и есть своя жизнь, у меня — своя. И хочется с ней увидеться, и боязно, потому что прошли годы, и дважды в одну реку не войти.

Где-то читал, что сыгранная актером роль есть некая проекция на его собственную жизнь. Сергей, мой герой из «Романса о влюбленных», жил, любил, а любовь — это полная жизнь, потом случилась трагедия. Я благодарен Богу за то, что, несмотря на все перепады моей личной судьбы, она не выхолостила меня.

Елена КОРЕНЕВА

— Елена, что произошло в вашей жизни за двадцать лет, минувших с «Романса о влюбленных», этого пика актерской судьбы!

— В жизни сбывается не все, но многое. Я довольна тем, как эти двадцать лет прошли, несмотря на все трудности. «Романс» был таким подарком судьбы, радостью, в шлейфе которой я и воспринимала жизнь, ждала от нее сплошных неожиданностей. Первые десять лет такими и стали. Последующее десятилетие было более серьезным в плане ожиданий. Я спустилась на землю. Независимо от «Романса» загадывала для себя необычную жизнь. Судьба работала на меня. Я испытываю уже философские настроения, хотя и не пессимистические, что связано и с возрастом, а значит, сменой амплуа, с тем, что я женщина и актриса. То, что произошло в стране, как и то, что кино превратилось в кинобизнес, а экономика не позволяет сниматься так часто, как хотелось бы,— все это усугубляет проблему возраста и то, что такое есть эти двадцать лет.

— Вы верите в то, что роль, сыгранная актером, проецируется на его собственную жизнь!

— Я согласна с этим. Мистики в нашей профессии много. Отказывалась от пары ролей, боясь того, что в жизни случится то же самое. Встреча с А. Кончаловским, как и участие в его картине, были магией и очень повлияли на мою жизнь, а не роль Тани как таковая. По жизни я себя ощущаю скорее Сергеем, нежели Татьяной, я прошла его путь. Любовь может быть проиграна в разных жанрах. Романтический этап и рядом — реалистический, черно-белый, как в «Романсе о влюбленных». Помните, первая часть картины — цветная. С этим видением любви я согласна. Это я уже прожила. Есть у меня другая роль — тургеневская Ася в картине И. Хейфица, которую я долго в себе несла и которая наложила отпечаток на мою судьбу.

— Вам знакомо ощущение собственной ненужности в современном киномире, театре!

— Год назад такие опасения были. Ситуация в кино сегодня — своего рода лотерея. Хотя всегда остается процент не просто удачи, но и собственных усилий соответствовать времени и требованиям современного кинематографа. К человеку, прилагающему такие усилия, работа все равно придет. В это я верю. У меня есть два предложения в кино от интересных режиссеров, принадлежащих к молодому поколению,— А. Аристокисяна и А. Балабанова. В течение года работала в трех спектаклях, которые, к сожалению, не идут, так как были связаны с антрепризой, а не со стационарными театрами. Это «Тачка во плоти» П. Гладилина, поставленная Е. Каменьковичем, которую мы играли в автосалоне. Затем была работа над одноактной пьесой А. Стриндберга «Пария» с режиссером В. Мирзоевым на Малой сцене Театра имени К. С. Станиславского. Встреча с ним стала для меня открытием, хорошо бы и дальше работать вместе. Он хотел, чтобы я репетировала в «Ревизоре», которого ставит в том же театре, но так как я пока не решилась идти в труппу, возникли некоторые бюрократические сложности. Третьей моей работой стал моноспектакль «Лу» по пьесе австралийского автора Д. Джорджа на базе театрального агентства, возглавляемого Д. Смелянским. Сыграли только шесть спектаклей. Хотелось бы продолжить работу над «Лу». Словом, вернувшись, из Америки, я продолжаю работать, стараюсь идти не по традиционному пути, а по альтернативному.

— Один мой знакомый журналист сказал, что вы предали идеалы, которые зародили в сердцах зрителей, тем, что снялись в обнаженном виде для одной из газет. Быть может, дело в контексте времени, особенностях русского мироощущения!

— В сорок лет во взаимоотношении с собственным телом проблемы иные, нежели в восемнадцать. Что же касается самой постановки вопроса, что я предала идеалы, то это очень резко сказано. В самом факте съемки обнаженной нет для меня ничего постыдного. Я не считаю, что создала в «Романсе» некий образ Мадонны, напротив, в картину была внесена определенная доля чувственности, очень смелая по тем временам. Я хотела бы когда-нибудь расписаться под созданием идеала не ханжеского, а жизнеутверждающего, образа женщины, полной сил и любви к жизни. Когда мне говорят о том, как я, серьезная актриса, могла сняться голой, я думаю, что быть серьезной — это не значит быть одетой. Суждения, о которых вы говорите,— не следствие российского менталитета, а цензуры и оскопления, которые были характерны для советского периода. Возможно, здесь существует определенная связь с понятием стыда, свойственного русскому человеку, но я сама, будучи человеком крещеным, тем не менее человек своего времени и профессии, и я отвечаю за свои поступки. Кредо художника и разумного человека — самому решать, что морально, а что аморально. Моя жизнь не посвящена заботам о том, чтобы охранять тот или иной идеал. Опасно создавать из живых людей идеалы. Утрачивать иллюзии и находить истину — один из этапов развития. Снять с себя одежду и показать создание Бога, коим являюсь я, как и все остальные,— не есть обнажение. Тело — прикрытие нашего истинного я, а истинное я — загадка для нас самих. Тело же давно открыто. Цель актера в творчестве — достичь состояния обнажения. И до фотографии в «SPEED-Инфо» мне говорили, что я разрушаю образ, созданный прежде. Была романтическая девочка, а теперь вдруг (в связи со спектаклем «Лу») меняю амплуа, играю некую хищницу. Нежелание видеть актрису, которая в юности создала какой-то образ, стареющей, меняющейся естественно. Г. Гарбо, полюбившаяся всем как трагическая красавица, сыграла на закате карьеры комедийную роль и не была понята. Актер на службе у образа и амплуа, но пришло время развенчивания мифов, приближения «звезды» к зрителю. Это правда, что я жила в Америке и перестала быть наивной, но это не значит, что я лишилась идеалов. Я осталась внутренне чиста, но не хочу идти на поводу у какой-либо зафиксированности, образа. Существует человек и то, что он играет в кино. Мне интересен образ, который не зависит от условностей, славы, неправильно понимаемой морали.

А Евгению Киндинову — любви, здоровья и благополучия.

Интервью подготовила
Светлана ХОХРЯКОВА.

Фото И. Александрова и Джессики К. (США).